

МАТЕРЬЯЛЫ К СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ ЕВРАЗИЙСТВА

I.

Современную эпоху часто определяют, как эпоху социальную. Каждое живое течение, творчески возникающее из современности, должно нести в себе начало социальности. Это было указано еще в предисловии к пятому Временнику: — „В самой основе евразийства лежит социальность, мысль об устройении людей, об ответе их интересам. Зародившееся в эпоху и в среде величайших социальных движений, евразийство имеет заданием и отражает необходимости нашей „социологической“, — т. е. обращенной к вопросам социального устройства, эпохи“.*)

„Социологичность“ — это качественное „социальной эпохи“. Но в чем же заключается ее существо и чем она отличается от других эпох? Симфоническая личность нации в целом и каждый ее класс и группа, взятые в отдельности, существуют социально, поскольку они вообще существуют. Не есть ли поэтому термин „социальная эпоха“ лишь ничего не значущее слово? Казалось бы, каждая эпоха существования нации может быть с одинаковым правом названа социальной. — Различие это становится ясным при различении социально-действенно-осознанного и социально-аморфного состояний. Различение их объясняет многое в прошлом социальном бытии России-Евразии и оно же дает возможность сделать существенные выводы для будущего. Оценка прошлого России с точки зрения этого критерия не входит в задачу этой статьи. Поэтому я коснусь его лишь кратко, не притязая на полноту. В настоящее время и в настоящем месте обращенность к прошлому нужна лишь как подход к современности и поэтому я сознательно иду на сугубую схематичность.

Прошлое России-Евразии являет ясную картину социально-аморфного бытия широких народных масс при действенно-сознательной (тоже в свою меру) верхушке. В сознании московской теократии народ сам отказывается от социально-действенного бытия. Он принимает свое аморфное состояние, предоставляя действовать царю, управляющему через посредство правящей верхушки. Так трактовался вопрос в официальной московской идеологии. В аморфной массе происходят свои движения и сдвиги.**) Иногда она бурно прорывается на поверхность исторического процесса. Но и тут мы не находим ясно-оформленного сознания. Историк русских народных течений только с некоторым трудом может уловить следы идеологических устремлений. Вожди этих на-

*) Евразийский Временник, книга 5, Париж 1927, стр. 6.

***) См. интересную статью Н. Н. Алексеева „Русский Народ и Государство“, „Путь“ № 8, Август 1927.

родных движений больше опираются на неоформленные чаяния и интуитивные устремления народа, чем на ясно выявленную волю.

Во всякую эпоху (за исключением эпох предшествующих распаду) правящий класс выражает сознание всей симфонической личности нации. Поэтому социальное сознание этого класса всегда будет более ярким, чем социальное сознание масс. Но есть пределы соотносительности сознания и аморфности. В более примитивные эпохи (в плане социологическом, менее социально дифференцированные) аморфное состояние масс есть нормальное явление, особенно при наличии сознания религиозного и национального единства — как это было в период Московского Царства. Но при социальном развитии нации должно увеличиваться и социальное сознание масс, в какой-то пропорции с развитием правящего класса. В этом залог крепости государства, т. к. государство должно „иметь свой последний упор не на индивидуума, а на ближайшую к нему первичную социальную группу“.*)

Именно этого и не произошло после Петровской реформы. Наоборот — произошел окончательный разрыв. За последние 200 лет более чем когда-либо наблюдается социальная аморфность широких народных масс. Правящая верхушка, постепенно меняющая свой социальный состав, действует в отрыве от народа. Приобщение к социальному сознанию (напр. явление „разночинцев“) — означало выход из аморфного состояния народа к сознанию интеллигентскому или бюрократическому, т. е. в условиях до-революционной эпохи оторванному от народной психологии. За эти 200 лет правящей верхушке удается достичь огромных результатов во всех областях жизни. Но в разрезе социальное существо дела не меняется, а, поскольку отрыв правящего класса от народа есть несомненное зло, значительно ухудшается. Правящий класс остается во всё большей и большей изолированности. И в 1917 году он встречается с разрушающей стихией. Социальная аморфность при внезапном переходе к действию всегда выражается в чисто разрушительной и анархической стихии. Поэтому весь первый период русской революции, несмотря на предельную внешнюю динамичность, в существе своем глубоко аморфен.

В начале второго периода революции коммунизм начинает организовывать страну. Не случайно, что над всеми партиями одержал победу именно марксизм в его наиболее крайней и логической форме. Главная сила Маркса ведь именно и заключается в его социально-политическом пафосе, в стремлении организовать массы, т. е. вывести их из социально-аморфного к социально-действенно-осознанному состоянию. Тот, кто является подлинно „ничем“ в общем механизме капиталистического хозяйства, становится если и не „всем“, то во всяком случае реальной силой, поскольку он осознает свою принадлежность к организованной социальной группе.

Каждый, кто пережил русскую революцию, помнит в чем заключался главный пафос темных разбушевавшихся масс. Во-первых, это было ярко пронизавшее сознание — „мы“, вытеснившее прежнее „я“. Во-вторых, это было опознание в большевиках „нашей власти“. Власть ругали, поносили, готовы были иногда восстать на нее — но все-же она оставалась в сознании, как „наша власть“. Это было источником могущества большевиков и их огромным преимуществом над всеми противниками.

*) Л. П. Карсавин „Основы политики“, Евразийский Временник, кн. 5, стр. 213.

В переходе широких масс от социально-аморфного к социально-действенно-осознанному состоянию в сущности и заключается главное социальное наследие революции. Новая Россия-Евразия представляет собою новую и совершенно необычную картину. В ней начинает действовать социально-разумная масса. Несомненно, что огромные пласты народа остаются за пределами разумного социального бытия. Но значительность перемены менее всего может быть определена статистически. Ее смысл не количественный, а качественный. Отдельные группы, осознавшие себя, социально этим не отрываются от массы. Элемент пробуждающегося социально-сознательного состояния надо признать в самостоятельности советов (вопреки коммунистической диктатуре), в профсоюзах, в колхозах, даже в союзе безбожников и комсомоле, как бы отрицательно ни относиться к их кощунственной деятельности. — Здесь идет речь об определенном осознанном социальном делании, а не об оценке его направленности.

Часто говорят о том, что социальный пафос начинает „выветриваться“ в России. Поскольку здесь идет речь о выветривании коммунистической идеологии, этот процесс, с нашей точки зрения, можно только приветствовать. Но поскольку это касается социально-осознанного состояния и действия — это явление было-бы губительным. Необходимо не устранить этот социальный пафос, а овладеть им, направить его в другое русло и к другим целям. Поскольку сейчас комсомол является явным вредом, постольку же организация с его самостоятельностью и социальным составом, но направленная на служение Церкви, будет громадным достижением и шагом вперед. И так во всех областях жизни. Одним словом, нужно говорить о необходимости сохранения и усиления социальной поступательной инерции, сообщенной России коммунизмом, и наполнения ее положительным содержанием.

Из этих кратких замечаний можно сделать следующие выводы: В России-Евразии, как следствие революции, происходит переход широких масс от социально-аморфного к социально-осознанно-действенному состоянию. Эта органическая „социологичность“ после-революционной России-Евразии несет в себе „обращенность к вопросам социального устройства“. Поэтому только „социальное“ по существу течение сможет преодолеть коммунизм и стать его преемником. Залог преодоления будет лежать в дальнейшем пробуждении социальной сознательности масс.

Евразийство, основывающее себя на религиозном начале, всецело созвучно религиозно-социальному пафосу. Поэтому оно уже теперь ставит перед собой проблему социальной политики будущего. При отвержении социологии, как особой самостоятельной сферы, оторванной от полноты государственного всеединства культуры, вся общая политика евразийства по существу социальна, т. к. она стремится к социальной организации государства. Это не отрицает, конечно, существования четко разграниченных, но всегда соподчиненных единству сфер. Поэтому социальная по существу политика евразийства должна иметь особую сферу „социальной политики“ в более ограниченном смысле этого слова. Эту сферу лучше всего назвать политикой социального обеспечения.*)

*) Социальное обеспечение можно понимать в двух смыслах:

Социальное обеспечение в широком смысле этого слова есть совокупность

Первые зачатки евразийской социальной программы находятся уже в евразийской „формулировке 1927 года“. (Раздел VI, §§ 1, 6, 11 и 12. „Евразийская Хроника“, вып. IX.) Задача настоящих очерков дать материалы для дальнейшей разработки этих проблем.

II.

Подходя к вопросу социального обеспечения мы сразу наталкиваемся на проблему кардинальной важности, от решения которой зависит всё построение программы — вопрос о соотношении государственной и частной деятельности по социальному обеспечению.

Так как вся политика евразийского государства социальна и заключается в организации всех сфер социальной жизни, то и политика социального обеспечения должна быть огосударствлена, т. е. должна быть функцией государства.

По основной концепции евразийства грань между „государством“ и „обществом“ снимается, благодаря органической сращенности государственных форм с обществом. Но именно в области социальной помощи большая часть работы остается вне тех форм, которые могут быть всецело огосударствлены. Социальная нужда всегда привлекает и будет привлекать индивидуальное сочувствие и интерес. На этой почве возникают частные социальные учреждения. Особое значение здесь должно принадлежать социальным учреждениям Церкви.*)

Поэтому особенно важен вопрос безболезненного огосударствления этой частной работы — в смысле включения ее в общий государственный план. От этого зависит успешность всей социальной организации государства. Для разрешения этой проблемы нужно исходить из анализа особых свойств и качеств, как государственной, так и частной работы по социальному обеспечению.

Социальная работа государства имеет целый ряд неоспоримых преимуществ. 1) Многие факторы, имеющие громадное социальное значение, зависят от других сфер государственной жизни, напр. экономической; поэтому только государство может правильно регулировать социальную жизнь устроением всех других сфер жизни; 2) государство обслуживает всё поле социального обеспечения, не сосре-

социальных законов и мероприятий, как одна из сторон деятельности гарантийного государства.

Социальное обеспечение в узком смысле этого слова есть совокупность социальных законов и мероприятий для специальной помощи индивидуумам, по той или иной причине находящимся в бедственном, по сравнению с общим уровнем, состоянии.

*) За последние два столетия социальная деятельность Православной Церкви за исключением деятельности некоторых монастырей, находилась в периоде упадка. Поэтому создалось даже довольно распространенное мнение, что „социальность“ христианства есть особая принадлежность католичества и протестантства, несвойственная Православию и извращающая подлинное христианство. Однако Св. Писание, творения св. отцов Церкви и вся история Православной Церкви свидетельствуют о противном. После конца синодального периода перед русской Церковью, поставленной в новые исторические условия, уже встают социальные проблемы. Говения на религию мешают Церкви вплотную подойти к их разрешению и занять подобающее ей место в деле социального обеспечения. Но несомненно, что перед Церковью уже сейчас встает и в будущем еще острее станет важнейшая задача православию разрешения социальных вопросов, которое бы сочетало древнюю традицию с новыми для нее условиями современности.

доточивая всего внимания на отдельных факторах и тем самым не оставляя других без внимания и помощи; 3) его работа есть общее народное дело, а не временное усилие добровольцев-благотворителей — в этом заключается гарантия постоянности и устойчивости; 4) оно имеет право законодательства и принудительного проведения в жизнь социальных законов; 5) оно может вовлекать в работу по социальному обеспечению различные органы власти, от которых в каждую данную минуту зависит социальное устройство.

Одновременно государственная работа имеет и существенные недостатки: 1) необходимость заботиться о социальном обеспечении в целом, лишает государство права и возможности сосредоточивать особые усилия на отдельных, хотя бы и очень насущных случаях; 2) государственная работа всегда подвержена тенденции к бюрократизму и рутине; 3) свободная инициатива стеснена в нем общей организационной схемой.

Работа частных обществ и учреждений лишена преимуществ государственной работы. Но одновременно она имеет целый ряд своих преимуществ. Появление частной социальной инициативы есть живой знак социально-осознанной жизни в государстве. Менее постоянная, более текучая, но между тем и более творческая частная инициатива создает тот живой материал, который может быть впоследствии огосударственен. Но именно для этого необходимо постоянное возникновение новых частных учреждений. В них практически отражается социологичность эпохи. Из этого вытекают особые практические преимущества частных учреждений: 1) не неся ответственности за социальное обеспечение в целом, частные учреждения могут оказывать особое — часто даже непропорциональное с общей нуждой — внимание отдельным случаям; поэтому именно частные учреждения являются опытным полем социальной работы, на котором вырабатываются новые методы и новая техника, потом усваиваемые и государственными учреждениями; 2) обычно частные учреждения обладают большей свободой инициативы; 3) они возникают непосредственно, под влиянием насущной необходимости, и тем самым намечают как бы вехами необходимое направление социальной работы; 4) они создают более сердечную духовную обстановку — особенно учреждения церковные — что имеет большое значение для дела индивидуальной помощи.

Можно себе представить три основных типа социальной организации с точки зрения взаимоотношения в них государственного и частного начал:

1) Государство всецело берет на себя задачу социального обеспечения, совершенно устраняя из нее всякую частную деятельность.

2) Государство устраняется от социального обеспечения, предоставляя его частной инициативе.

3) Государственная и частная деятельность сосуществуют рядом, как две отдельные сферы. В сущности этот тип является господствующим, причем большая или меньшая степень координации не меняет основной принципиальной установки разграничения.*)

Недостаток места не позволяет подвергнуть здесь анализу преимущества и недостатки этих систем. Но не трудно показать, что ни одна из них не разрешает до конца проблемы организации социальной помощи.

Евразийство должно утвердить особый четвертый тип, а именно

*) Более подробное изложение этого вопроса дано у В. Kirkman Gray «Philanthropy and the State, or Social Politics» pp. 127—133, London 1908.

государственно-частную систему социального обеспечения.*) Эта система органически вырастает из общего плана евразийской государственной организации и из основных идеологических установок евразийства. Именно она выявляет основную социальность евразийского государства. С точки зрения новейших теорий прикладной социологии только она одна может вполне удовлетворительно разрешить вопрос социальной организации. Она сочетает свободный пафос социального действия с социальным водительством государства. И, наконец, утвержденный евразийством советский строй дает особые практические возможности ее осуществления.**)

Идеологическая сущность этой системы стоит в связи с общим заданием евразийского государства, как организации духовной и материальной культуры нации. В области практической эта система сводится приблизительно к следующему:

Организация и руководство социальным обеспечением лежит на государстве и целиком входит в общий Госплан.***) Однако государство не только не упраздняет частных обществ и учреждений, но наоборот всячески поощряет их существование и возникновение. Оно предоставляет свободу деятельности частным учреждениям. Там, где они уже ведут работу, государство не устанавливает своих учреждений. Поэтому государственные учреждения устанавливаются лишь там, где нет частных учреждений или там, где их работа недостаточна.

Одновременно с этим государство руководит всей социальной работой, включая сюда и сферу частной инициативы. Государство вырабатывает, пользуясь и частным опытом, общие программы социальной работы. Оно устанавливает собственные учреждения, частью же регламентирует работу частных учреждений, предписывая им особые формы отчетности, как финансовой, так и информационной, инспектирует их, следит за согласованностью работы, назначает в известных случаях субсидии и т. д.

Таким образом, предоставляя на периферии свободу самостоятельности и творчества частным обществам и тем самым сохраняя все преимущества их работы, евразийское государство включает их в общую сеть государственной социальной системы. Этот принцип может быть выражен формулой: централизованное руководство, децентрализованная работа. — (Нужно заметить, что этот порядок не исключает, но наоборот подразумевает в определенных случаях изъятие отдельных отраслей социального обеспечения из области частной деятельности, с передачей их в исключительное ведение государства).

Вопрос организации работы по социальному обеспечению будет поставлен позднее. Здесь, несколько предваряя его, можно привести

*) Элементы этой системы имеются и в западной социологии: напр., Extension Ladder Theory (см. Sidney Webb, LL.B. «The Extension Ladder Theory of the Relation between Voluntary Philanthropy and State or Municipal Action», The Survey, Vol. XXXI, pp. 703—707). Приближение к практическому осуществлению встречалось и встречается напр. в Элберфилдской системе, в некоторых Штатах САСШ (Social Bureau), в Германии, Италии и т. д. Но все это лишь разрозненные попытки, не возведенные в общий государственный принцип. Всецелое осуществление возможно лишь в государстве особого типа, утверждаемом Евразийством.

**) Об этом будет идти речь в последующих очерках.

***) Именно принцип и властные функции Госплана коренным образом отличают евразийскую государственно-частную систему от механического сосуществования государствен. и частной деятельности (см. выше тип «третий»). В евразийской системе оба эти рода деятельности поставлены под первенство и властное руководство государственного начала.

два примера социальной работы, напр. Бюро Социального Обеспечения при местном Совете и Высшего Социального Института. Примеры эти приводятся лишь для того, чтобы показать наглядно, в чем практически может выражаться государственно-частная система социального обеспечения. Вопрос организации, т. е. связи их с соответствующими высшими и низшими инстанциями и вопрос компетенции остается пока без рассмотрения.

1) Бюро Социального обеспечения при местном совете,*) для примера хотя бы губернском или окружном, должно являться высшей инстанцией всей социальной работы в данной губернии или округе. Оно проводит в жизнь общесоюзное социальное законодательство и издает особые социальные законы в том случае, если губерния или округ имеют свои особые нужды, не предусмотренные общесоюзным законодательством. Бюро должно устанавливать существо и размеры социальной нужды в губернии-округе. В отраслях, изъятых из области частной деятельности — или же там, где эта нужда не обслуживается частными обществами, оно устанавливает собственные учреждения. С другой стороны бюро наблюдает за всеми существующими в губернии-округе частными учреждениями. Оставляя им свободу деятельности, оно определяет рамки этой деятельности: следит за тем, чтобы эти учреждения не конкурировали друг с другом и не обслуживали одних и тех-же случаев нужды; оно вводит согласованность в работу этих частных учреждений; оно выдает разрешения на открытие новых учреждений и контролирует их работу; оно предписывает им особые формы ведения записей о всех случаях помощи. Эти записи должны сосредотачиваться в информационном отделе бюро, открытом для всех частных организаций, которое и должно давать полную картину социальной нужды и социальной работы в губернии-округе.

Бюро Социального Обеспечения должно также поддерживать связь с другими органами государственной власти, деятельность которых имеет отношение к социальным проблемам. Бюро следит за особыми периодически-наступающими социальными бедствиями — как напр., безработица, неурожай и т. п. — заранее устанавливая признаки их приближения и организуя борьбу с ними. В ведении этой борьбы Бюро принадлежит главное руководство. Бюро должно периодически производить широко поставленные социальные обследования.

Помимо этого Бюро должно являться связующим звеном между Бюро Социального Обеспечения Советов низших степеней и находящимися в их ведении государственными и частными учреждениями с одной стороны и высшими инстанциями, ведающими социальным обеспечением, с другой. Таким образом оно включает себя и подведомственные ему учреждения в общую систему государственной социальной деятельности.

В области социальной работы особенно необходимы широко поставленное осведомление, научное обследование и научная выработка методов. Поэтому, помимо всех инстанций, ведающих практической работой по социальному обеспечению, желательно существование:

2) Общесоюзного Высшего Социального Института — учреждения научного, а не учебного, функции которого заключались бы в следующем:

*) Здесь идет речь о советском строе в евразийском его понимании, т. е. освобожденном от коммунистической диктатуры. См. Н. Н. Алексеев „На путях к будущей России“ (Советский строй и его политические возможности), Евраз. К-во, Париж, 1927.

1) Установление существующих в государстве социальных проблем и нужд, их распространенности и сущности; 2) выработка соответствующих методов работы; 3) установление необходимых норм социального законодательства; 4) сосредоточение информации о всех существующих социальных учреждениях и ведущейся в государстве работы по социальному обеспечению; 5) пропаганда необходимости социальной работы, возбуждение интереса к ней, поощрение возникновения частных социальных учреждений; 6) поощрение научных трудов по социальным вопросам, как касающимся социальной философии, так и прикладной социологии; 7) поддержание связи с социальными отделениями Вуз'ов; 8) изучение постановки социальных наук и практической социальной работы в других странах и установление связи с соответствующими заграничными учреждениями.

Эти два примера государственных учреждений местного и общесоюзного масштаба должны показать в чем может заключаться государственное централизованное руководство и децентрализованная государственная и частная работа в государственно-частной системе социального обеспечения евразийского государства.

III.

В настоящее время Бюро Социального Обеспечения в СССР ведет исключительно пенсиями и социальным страхованием. Это не значит, конечно, что социальная политика СССР этим всецело и ограничивается, так как известная часть социальной работы (в узком смысле этого слова) ведется Наркомздравом, Комиссариатом труда и некоторыми специальными учреждениями, вроде Фонда имени Ленина по борьбе с детской беспризорностью.

Таким образом, приведенная выше — пока только в виде примера — работа Бюро Социального Обеспечения предполагает значительное расширение компетенции, по сравнению с фактическим положением в СССР. Это ставит на очередь вопрос о степени этого расширения.

Широкое понимание задач Социального Обеспечения*) включает в себя проблемы, разрешение которых — даже при большом расширении компетенции — все-же должно лежать не на ведомстве социального обеспечения, а на других ведомствах. Это следует уже из того, что много факторов, непосредственно влияющих на социальную жизнь, зависят от особых сфер государственной жизни, имеющих самостоятельное управление — особенно сферы государственной экономической политики. То обстоятельство, что определенная область социальной работы подлежит компетенции ведомства здравоохранения или труда, не лишает ее социального значения. Другими словами программа ведомства социального обеспечения не совпадает с общей социальной программой государства, т. к. первая является лишь частью второй. Это относится и к социальному обеспечению в более узком смысле этого слова. Напр., помощь безработным, социальное страхование и помощь увечным в одинаковой степени соответствуют понятию работы по социальному обеспечению, в то время как организационно они могут подлежать компетенции трех различных ведомств: труда, социального обеспечения и здравоохранения.

Это несовпадение намечает пути дальнейшего рассмотрения ма-

*) Согласно определению, данному в примечании к стр. 51—52.

терьялов для евразийской социальной программы, которое должно поэтому распасться на две части:

1. Рассмотрение проблем социального обеспечения по существу, без специального разграничения организационных функций различных ведомств.

В порядке систематизации эти проблемы можно разделить на три главных группы:

а) Проблемы бедности. На первом месте здесь стоит рабочее законодательство, социальное страхование, охрана труда, профессиональное образование, жилищный вопрос и проблема безработицы, как индустриальной, так и сельско-хозяйственной. Последняя особенно существенна для России - Евразии. Вопрос действительной и рациональной помощи деревенской бедноте есть первейший вопрос социального обеспечения в России - Евразии. Этим вызывается необходимость установления, в частности, в районах сель.-хоз. перенаселения, особого сельско-хозяйственного рабочего инспектората. Борьба с индустриальной безработицей стоит в связи с общей экономической программой. Другие проблемы, которые нужно рассматривать в отделе бедности: индивидуальная помощь нищете, помощь материнству, беспризорные дети, покинутые семьи, забота о неимущих стариках.

б) Проблемы увечности — увечность рабочих, несчастные случаи на фабриках, профессиональное образование увечных, сумасшествие, эпилепсия, слабоумие, слепота, помощь глухонемым.

в) Проблемы преступности — общая борьба с преступностью, тюремный вопрос, надзор за отбывшими срок наказания преступниками, детская преступность, детские суды.

2. Рассмотрение государственной организации социального обеспечения. Это рассмотрение должно главным образом свестись к разграничению функций ведомства труда, здравоохранения, юстиции и социального обеспечения. Поскольку будет определен круг функций этого последнего, возникает вопрос о специальной организации ведомства, т. е. о связи местных бюро социального обеспечения с центром и с другими ведомствами. Именно эта часть программы должна быть наиболее схематичной, т. к. всякое излишне детализированное предвосхищение организационных вопросов неминуемо привело бы к утопичности и оторванности от жизни. Здесь нужна принципиальная схема, но не больше.

За исходную точку организации нужно взять реальную постановку дела в СССР. Но уже заранее можно сказать, что многое подлежит здесь коренному изменению, в зависимости от полярно противоположных установок евразийства и коммунизма, выражающихся во всем, вплоть до вопросов организации. Здесь необходимы три главных изменения: 1) расширение компетенции ведомства Социального Обеспечения; 2) внесение частного начала, т. е. признание законности и необходимости частной деятельности по социальному обеспечению, при неослабной роли и функции общегосударственного плана; 3) постановка проблем, которые не ставятся коммунистическим государством, напр. проблемы централизованного научного изучения случаев социальной нужды.

К подробному рассмотрению этих проблем, по намеченному выше плану, я надеюсь вернуться в следующих очерках.

Н. А. Клепикин